# ИВАНОВ! ОБЕДАТЬ!!! (байка десятая)

*(Продолжение. Начало в РЭТ №4, 2003 г.)*

**Геннадий Гендин** (Москва)

– Бедненький ты наш, горемычный! И как же это тебя сподобило? – такими словами встретила меня утром Маргарита, вертя в руках бланк наряда. – А с виду такой тихий, никогда и не подумаешь.

– Это еще что за штучки?

– Да какие уж тут штучки: человека в психушку определяют, тут уж не до штучек.

– Да ладно, хватит трепаться! Что случилось-то?

– А то и случилось, что ждет тебя, миленький, дальняя дорога в казенный дом, в психиатрическую лечебницу имени товарища Кащенко.

– Это еще с какой стати ?!

– А с той стати, золотой ты наш, – засмеялась Маргарита, что поступила из этой самой психушки заявка на установку телевизора «Т-2 Ленинград», а отец наш родной, Сергей Давыдович, распорядился послать туда именно тебя. Так прямо и сказал: «Это специально для него».

– На-ка вот, держи наряд и поезжай сразу туда, потому что такелажники с антенной и кабелем уже выехали и будут тебя там дожидаться.

* * *

О местонахождении больницы я в общих чертах выяснил по карте Москвы, рассчитывая более точные данные получить на месте. И действительно, сойдя с трамвая на нужной остановке, от первого же опрошенного встречного получил самую исчерпывающую информацию. Благожелательный собеседник первым делом выяснил, что конкретно мне нужно на территории больницы и разъяснил, что в данном случае имеет смысл проехать еще одну остановку и зайти в больницу «с тыла», чтобы не топать пешком лишние полтора километра через парк, и притом в гору.

Поблагодарив радушного гида, я проехал еще одну остановку, свернул в проезд, идущий вдоль железнодорожного полотна окружной дороги, и, старательно обходя не успевшие просохнуть лужи, зашагал в указанном направлении. Но не успел я пройти и двадцати шагов, как в тот же проезд с Загородного шоссе с воем, ревом и включенными «мигалками» свернули одна за другой две пожарные машины и пронеслись мимо, разбрызгивая фонтаны жидкой грязи. Я едва успел отскочить в сторону, чтобы не оказаться забрызганным с ног до головы.

«Будем надеяться, что это горит не больница», – подумал я. Преодолев за последующие пять минут остаток пути, и, подойдя к открытым настежь воротам, я с неприятным удивлением обнаружил, что обе пожарные заехали именно во двор больницы, перестав при этом завывать. Я ускорил шаги, завернул за угол шестиэтажного больничного корпуса и остановился, как вкопанный. Моему взору предстала совершенно невероятная картина.

Прямо напротив среднего подъезда собралась большая толпа людей, дружно задравших головы и уставившихся на нечто странное под козырьком крыши. Толпа безмолвствовала, многие стояли, прижав к груди обе руки с выражением застывшего ужаса. На коньке крыши возле трубы стояли два наших такелажника, рядом лежала еще не установленная антенна с бухтой кабеля.

Однако, присмотревшись внимательно, я понял, что внимание толпы привлекли вовсе не такелажники. На уровне шестого этажа, крепко обхватив водосточную трубу, висел объятый страхом человек. У дверей подъезда стояли четыре человека в белых халатах, лихорадочно обсуждая создавшуюся ситуацию. Двух минут мне оказалось достаточно, чтобы получить исчерпывающую информацию о случившемся. Оказывается, группу больных из беспокойного мужского отделения вывели на прогулку в огороженный высоким забором участок больничного парка, но по дороге от дверей подъезда до калитки один из больных случайно увидел на крыше наших такелажников и неожиданно решил к ним присоединиться. Он бросился к водосточной трубе и непостижимым образом с ловкостью циркового акробата взобрался на самый ее верх и теперь висел там. Было совершенно очевидно, что снять его оттуда можно будет только с помощью пожарной лестницы, однако никто из врачей не брался предсказать реакцию больного на эти действия. Кроме того, с каждой минутой силы его иссякали, и в любой момент он мог рухнуть на асфальт с высоты шестого этажа. Положение усугублялось тем, что на любые попытки урезонить больного и уговорить его разрешить себя снять пожарникам, он отвечал, что как только это попытаются сделать, он спрыгнет вниз. Время шло, а высокий консилиум все никак не мог принять единственно правильное решение. В эту минуту я попытался поставить себя на место этих врачей и пришел к выводу, что ни один учебник по психиатрии не мог предусмотреть подобной ситуации и дать адекватные рекомендации. И в этот момент наступила развязка, какую я не мог предвидеть даже в самом фантастическом сне. Дверь подъезда широко открылась, из подъезда вышла могучего телосложения женщина в довольно грязном фартуке, очень напоминавшая артистку Нонну Мордюкову, с огромным половником в руке. Она деловито огляделась вокруг, затем подняла голову вверх, увидела висящего на трубе мужчину и зычным голосом все той же Нонны Мордюковой крикнула: «Иванов!!! Кончай безобразничать! Давай живо обедать!!! И учти, я повторять не буду!!!» После этого она повернулась и, не ожидая реакции, не спеша скрылась в проеме двери. И тут же вслед за этим Иванов, боязливо озираясь по сторонам, быстро-быстро, цепляясь за удерживающие трубу крючки, спустился вниз до уровня второго этажа, спрыгнул вниз, поднялся и бегом побежал во все еще раскрытую дверь вслед за «Нонной Мордюковой».

* * *

Что же касается телевизора, то дальше ничего необычного не происходило. Ребята установили на крыше антенну, опустили кабель, я установил, подключил и отрегулировал телевизор, и мы все втроем благополучно покинули городскую психиатрическую больницу имени Кащенко, ласково именуемую в народе Канатчиковой дачей. А я пришел к твердому умозаключению, что если правду говорят, будто Восток – дело тонкое, то психиатрия наверняка куда более тонкое дело.